

Артур
Конан Дойл

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЩЕРЛОКЯ ХОЛМСЯ



Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2020

ПУСТОЙ ДОМ

Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясён убийством юного графа Рональда Адэра, совершённым при самых необычайных и загадочных обстоятельствах. В своё время широкая публика познакомилась с теми деталями этого преступления, которые выяснились в ходе полицейского дознания, но дело было настолько серьёзно, что большую часть подробностей пришлось утаить. И только теперь, спустя почти десять лет, мне предоставлена возможность восполнить недостающие звенья этой изумительной цепи фактов. Преступление представляло интерес и само по себе, но интерес этот совершенно бледнел рядом с теми невероятными событиями, которые явились его следствием и которые поразили и потрясли меня больше, чем любой из эпизодов моей столь богатой приключениями жизни. Даже сейчас, после стольких лет, я всё ещё ощущаю трепет, вспоминая об этом деле, и вновь испытываю недоверие, изумление и радость, нахлынувшие на меня тогда и переполнившие всю мою душу. Пусть же те читатели, которые проявляли некоторый интерес к моим очеркам, повествующим о деяниях и помыслах одного замечательного человека, простят мне, что я не сразу

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

поделился с ними своим открытием. Я счёл бы своим долгом немедленно сообщить им всю эту историю, не будь я связан категорическим запрещением, исходившим из уст этого самого человека, — запрещением, снятым совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Вполне понятно, что со времени моей тесной дружбы с Шерлоком Холмсом я начал проявлять глубокий интерес к разного рода уголовным делам, а после его исчезновения стал особенно внимательно просматривать в газетах все отчёты о нераскрытых преступлениях. Не раз случалось даже, что я для собственного удовольствия пытался разгадать их, пользуясь теми же методами, какие применял мой друг, хотя далеко не с тем же успехом. Однако ни одно из этих преступлений не взволновало меня в такой мере, как трагическая гибель Рональда Адэра. Прочитав материалы следствия, установившего только то, что «убийство было преднамеренным и совершено одним или несколькими неизвестными лицами», я глубже, чем когда бы то ни было, осознал, какую тяжёлую потерю понесло наше общество в лице Шерлока Холмса. В этом странном деле существовали обстоятельства, которые, несомненно, привлекли бы его особое внимание, и действия полиции были бы дополнены или, вернее, предвосхищены благодаря бдительному уму и изощрённой наблюдательности лучшего из всех европейских сыщиков. Весь день, разъезжая по своим пациентам, я снова и снова мысленно возвращался к делу Адэра, но так и не мог найти ни одного объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить то, что уже всем известно, я всё-таки хочу напомнить факты в том виде, в каком они были сообщены публике после окончания следствия.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэй-нуса, губернатора одной из наших австралийских коло-

ПУСТОЙ ДОМ

ний. Мать Адэра приехала из Австралии в Англию, где ей должны были сделать глазную операцию — удалить катаракту, — и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой жила на Парк-лейн, 427. Юноша вращался в лучшем обществе, по-видимому, не имел никаких врагов и никаких особенных пороков. Одно время он был помолвлен с мисс Эдит Вудли из Карстерса, но за несколько месяцев до описываемых событий жених и невеста решили разойтись, и, судя по всему, ничьё сердце не оказалось разбитым. Вообще жизнь молодого человека протекала в узком семейном и великосветском кругу, характер у него был спокойный, а вкусы и привычки самые умеренные. И вот этого-то беззаботного молодого аристократа поразила самая странная, самая неожиданная смерть. Случилось это вечером 30 марта 1894 года, между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр был любителем карточной игры, постоянно играл, но никогда не выходил за пределы благоразумия. Он состоял членом трёх клубов — Болдвин, Кавендиш и Бэгетель. Было установлено, что в день своей смерти, после обеда, Рональд сыграл один роббер в вист в клубе Бэгетель. Он играл там также и до обеда. Его партнёры — мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран — показали, что игра шла именно в вист и что игроки остались почти при своих. Адэр проиграл, быть может, фунтов пять, но не более. Состояние у него было значительное, и такой проигрыш никак не мог его взволновать. Он играл почти ежедневно то в одном клубе, то в другом, но играл осторожно и обычно оставался в выигрыше. Из свидетельских показаний выяснилось также, что месяца за полтора до своей смерти Адэр, играя в паре с полковником Мораном, в один вечер выиграл у Годфри Милнера и лорда Балморала четыреста двадцать фунтов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

насчёт этой самой пропасти. Мне было не так уж трудно выбраться из неё по той простой причине, что я никогда в ней не был.

— Не были?

— Нет, Ватсон, не был. Однако моя записка к вам была написана совершенно искренне. Когда зловещая фигура покойного профессора Мориарти возникла вдруг на узкой тропинке, преграждая мне единственный путь к спасению, я был вполне убеждён, что для меня всё кончено. В его серых глазах я прочитал неумолимое решение. Мы обменялись с ним несколькими словами, и он любезно позволил мне написать коротенькую записку, которую вы и нашли. Я оставил её вместе с моим портсигаром и альпенштоком, а сам пошёл по тропинке вперёд. Мориарти шёл за мной по пятам. Дойдя до конца тропинки, я остановился: дальше идти было некуда. Он не вынул никакого оружия, но бросился ко мне и обхватил меня своими длинными руками. Он знал, что его песенка спета, и хотел только одного — отомстить мне. Не выпуская друг друга, мы стояли, шатаясь, на краю обрыва. Я не знаю, известно ли это вам, но я немного знаком с приёмами японской борьбы — «баритсу», которые не раз сослужили мне хорошую службу. Я сумел увернуться от него. Он издал вопль и несколько секунд отчаянно балансировал на краю, хватаясь руками за воздух. Но всё-таки ему не удалось сохранить равновесие, и он сорвался вниз. Нагнувшись над обрывом, я ещё долго следил взглядом за тем, как он летел в пропасть. Потом он ударился о выступ скалы и погрузился в воду.

С глубоким волнением слушал я Холмса, который, рассказывая, спокойно попыхивал папиросой.

— Но следы! — вскричал я. — Я сам, собственными глазами видел отпечатки двух пар ног, спускавшихся вниз по тропинке, и никаких следов в обратном направлении.



ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

— Нервы у старого охотника всё так же крепки, а глаз так же верен, — сказал он со смехом, разглядывая продырявленный лоб восковой фигуры. — Попал в самую середину затылка и пробил мозг. Это был искуснейший стрелок Индии. Думаю, что и в Лондоне у него найдётся не так уж много соперников. Вы когда-нибудь слышали прежде его имя?

— Нет, никогда.

— Да, вот она, слава! Впрочем, вы ведь, насколько я помню, ещё недавно сознавались, что не слышали даже имени профессора Джеймса Мориарти, а это был один из величайших умов нашего века. Кстати, снимите, пожалуйста, с полки биографический указатель...

Удобно расположившись в кресле и попыхивая сигарой, Холмс лениво переворачивал страницы.

— У меня отличная коллекция на «М», — сказал он. — Одного Мориарти было бы достаточно, чтобы прославить любую букву, а тут ещё Морган — отравитель, и Мерридюю, оставивший по себе жуткую память, и Мэтьюз — тот самый, который выбил мне левый клык в зале ожидания на Чаринг-Кросском вокзале. А вот наконец и наш сегодняшний друг.

Он протянул мне книгу, и я прочитал:

Моран Себастьян, полковник в отставке. Служил в первом сапёрном бангалурском полку. Родился в Лондоне в 1840 году. Сын сэра Огастеса Морана, кавалера ордена Бани, бывшего английского посланника в Персии. Окончил Итонский колледж и Оксфордский университет. Участвовал в кампаниях Джовакской, Афганской, Чарасиабской (дипломатическим курьером), Шерпурской и Кабульской. Автор книг: «Охота на крупного



зверя в Западных Гималаях» (1881) и «Три месяца в джунглях» (1884). Адрес: Конduit-стрит. Клубы: Англо-индийский, Тэнкервилский и карточный клуб Бэгетель.

На полях чётким почерком Холмса было написано: «Самый опасный человек в Лондоне после Мориарти».

— Странно, — сказал я, возвращая Холмсу книгу. — Казалось бы, его путь — это путь честного солдата.

— Вы правы, — ответил Холмс. — До известного момента он не делал ничего дурного. Это был человек

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Лексингтон — хмурая, молчаливая старуха, с подозрительным взглядом исподлобья. Она что-то знает, но выпытать я у неё ничего не мог. Да, она впустила мистера Макфарлейна в половине десятого. Зачем у неё рука не отсохла в тот миг, когда она подошла к двери! Она легла спать в половине одиннадцатого. Её комната находится в другом конце дома, никакого шума она не слышала. Шляпу и, насколько она помнит, трость мистер Макфарлейн оставил в прихожей. Она проснулась от криков «Пожар! Пожар!». Конечно, её дорогого хозяина убили. Были ли у него враги? У кого их нет, но мистер Олдейкр жил очень замкнуто и встречался с людьми, только когда того требовали дела. Пуговицы она видела и с уверенностью заявляет, что они от того костюма, который был на нём накануне. Доски в штабеле были очень сухие, потому что целый месяц не было дождей. Они вспыхнули как порох, и когда она добежала до склада, всё было объято пламенем. И она и пожарники слышали запах горелого мяса. Ни о бумагах, ни о личных делах мистера Олдейкра ей ничего не известно. Вот, дорогой Ватсон, отчёт о моих сегодняшних неудачах. И всё-таки, всё-таки... — Его нервные руки сжались в кулаки, и он продолжал со страстной убеждённостью: — Я знаю, игра нечистая. Я чувствую это нутром. Экономке что-то известно. Но что — я всё ещё не могу сообразить. Она смотрела угрюмо и вызывающе, как человек с нечистой совестью. Но что об этом говорить, Ватсон. Боюсь, однако, если нам не поможет случай, Норвудское дело не займёт своего места в хронике наших успехов, которая, как я предвижу, рано или поздно обрушится на голову безропотного читателя.

— Но ведь для суда важно, какое впечатление производит человек, правда? — спросил я.

— На впечатление, милый Ватсон, полагаться опасно. Помните Бerta Стивенса, этого кровавого убийцу, который

ПОДРЯДЧИК ИЗ НОРВУДА

рассчитывал, что мы спасём его? А ведь на вид был безобиден, как ученик воскресной школы.

— Да, правда.

— Так что если мы не представим обоснованной версии, Макфарлейн обречён. Улики против него неопровержимы, и сегодня я убедился, что дальнейшее расследование только усугубит дело. Между прочим, просмотрев бумаги, я обнаружил одну любопытную деталь, которая может послужить исходной точкой нашего расследования. Оказывается, в течение этого года Олдейкр выплатил некоему мистеру Корнелиусу довольно крупную сумму



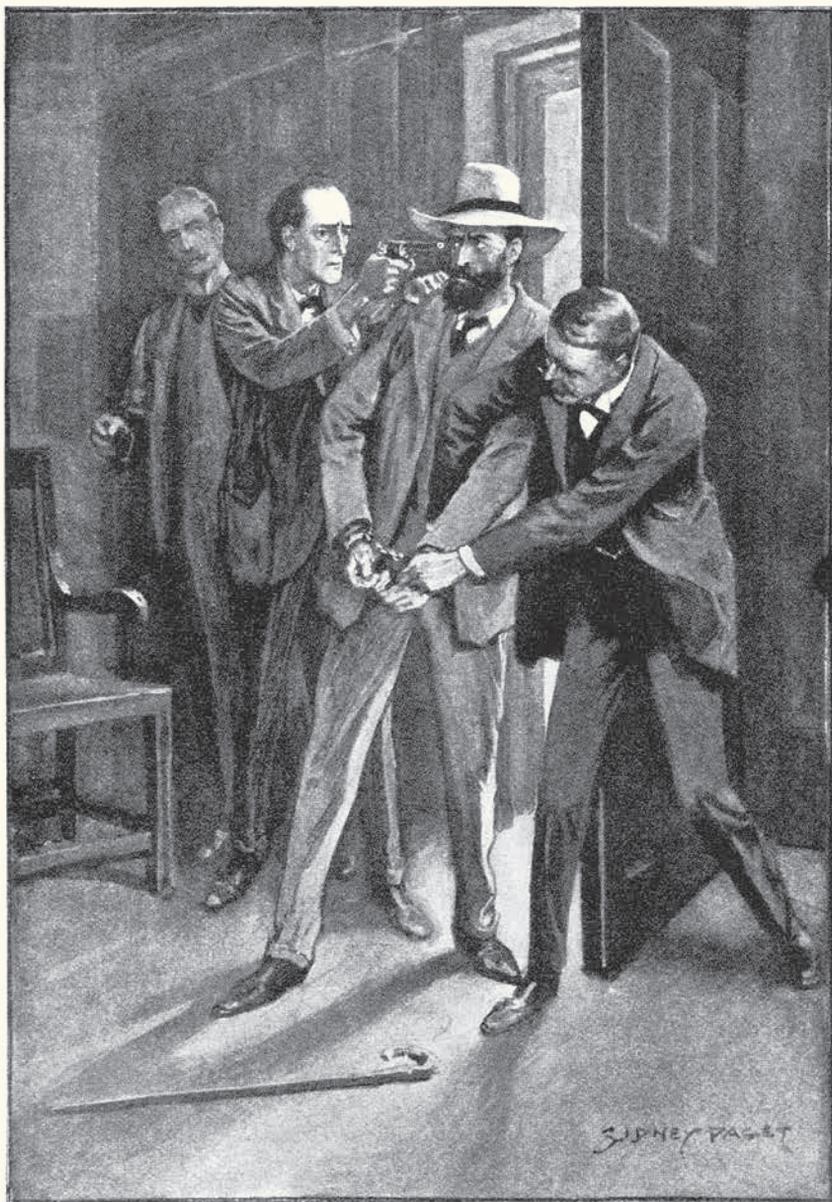
ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

были очень неприятные знакомства, — говорила она, — я хочу позабыть о них. Я не желаю вспоминать прошлое, потому что это причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен поверить моему слову и позволить умолчать обо всём, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжёлым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжать ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться её желанию, и сдержал своё слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые признаки надвигающейся беды. Моя жена получила письмо из Америки — на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела, прочла письмо и швырнула в огонь. Она ни разу о нём не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни одно мгновение не была спокойна. У неё теперь всегда испуганное лицо, и по всему видно, что она ожидает чего-то. Лучше бы она доверилась мне. Она бы узнала тогда, что я ей настоящий друг. Дело в том, мистер Холмс, что моя Илси не может солгать, и какие бы тучи ни омрачали её прошлое, её вины в этом нет. Я скромный норфолкский сквайр, но нет в Англии человека, который больше дорожил бы фамильной честью. Илси знает это и знала до нашей свадьбы. И она никогда бы не согласилась стать моей женой, если бы этот брак мог запятнать мою честь.

Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же





ПЛЯШУЩИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

— Да вы с ума сошли! — заорал он яростно. — Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит меня бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на её прекрасной голове. Возьмите свои слова обратно — эй, вы! Скажите, что она не ранена!

— Она была найдена тяжело раненной возле своего мёртвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния.

— Мне нечего скрывать от вас, джентльмены, — сказал он. — Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, — следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни её, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил её. Я имел все права на неё. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами? Я первый получил на неё права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

— Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, — сурово сказал Холмс. — Она бежала из Америки в Англию, чтобы спрятаться от вас, и здесь вышла замуж за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали её, превратили её жизнь в ад, стараясь заставить её бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами... А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придётся держать ответ.

— Если Илси умрёт, мне всё равно, что будет со мною, — сказал американец.

СОДЕРЖАНИЕ

Пустой дом (<i>перевод Д. Лившиц</i>)	5
Подрядчик из Норвуда (<i>перевод Ю. Жуковой</i>)	40
Пляшущие человечки (<i>перевод М. и Н. Чуковских</i>)	73
Одинокая велосипедистка (<i>перевод Н. Санникова</i>)	110
Случай в интернате (<i>перевод Н. Волжиной</i>)	140
Чёрный Питер (<i>перевод Н. Емельяниковой</i>)	187
Конец Чарльза Огастеса Милвертона (<i>перевод М. Литвиновой</i>)	218
Шесть Наполеонов (<i>перевод М. и Н. Чуковских</i>)	244
Три студента (<i>перевод Н. Гвоздарёвой</i>)	276
Пенсне в золотой оправе (<i>перевод Н. Санникова</i>)	302
Пропавший регбист (<i>перевод А. Кудрявицкого</i>)	336
Убийство в Эбби-Грэйндж (<i>перевод Л. Борового</i>)	372
Второе пятно (<i>перевод Н. Емельяниковой</i>)	407